

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК КАТЕГОРИЯ ТЕКСТА И СПОСОБ НАРУШЕНИЯ ЕГО ЦЕЛОСТНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Рассматривается концепция интертекстуальности как категория текста и способ его нарушения. Анализируются особенности и причины употребления данного стилистического приема в художественном тексте на примере романа А. Дёблина "Berlin Alexanderplatz". Выявлена и обоснована ключевая роль межтекстового диалога в технике монтажа в произведениях писателей периода постмодернизма. Также в статье предпринята попытка дать четкое определение данному лингвистическому явлению и связанным с ним понятиям, выделить формы выражения и степень маркированности интертекстуальности на различных уровнях. Доказывается обусловленность ее идентификации и понимания в тексте наличием фоновых знаний читателя.

Ключевые слова: *интертекстуальность, художественный текст, нарушение структуры, стилистический прием, монтаж.*

Концепция интертекстуальности, появление которой относят ко второй половине XX в., до сих пор является одной из наиболее обсуждаемых и до конца не решенных проблем в рамках как литературоведения, так и стилистики и лингвистики текста. Несмотря на отсутствие единого выработанного подхода к рассмотрению вышеупомянутого лингвистического феномена, принято считать, что данное понятие ввела в научный обиход французский филолог-постструктуралист Ю. Кристева, а бесспорным предтечей создания теории межтекстовых отношений был отечественный философ, мыслитель и исследователь языка М. М. Бахтин. В своей работе «Бахтин, слово, диалог и роман», написанной 1967 г., Ю. Кристева определяет интертекстуальность как способность произведения к двойному прочтению, так как любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста [1, с. 99]. Немецкий исследователь Х. Фатер считает данную лингвистическую реалию важным текстообразующим параметром в современной языковедческой парадигме. Он трактует это понятие двояко: во-первых, как соотношенность конкретного экземпляра текста (Textexemplar) с определенным типом текста (Textsorte) и, во-вторых, как его соотношенность с другим текстом / другими текстами [2, р. 48]. Наиболее точно суть интертекстуальности можно представить как наличие в тексте взаимосвязи между литературными текстами, их взаимодействие, а также сосуществование в одном тексте различных жанров.

Апеллируя к научным изысканиям в русле данной темы, можно сделать вывод, что каждому тексту присуща интертекстуальность, так как он формируется в уже созданной до него текстовой среде, и что все тексты находятся в диалогических отношениях. Эта мысль отчетливо прослеживается в работах В. Е. Чернявской, определяющей иссле-

дуемое лингвистическое явление как «особое качество определенных текстов, которые специально ориентированы на связи с какими-либо текстами, диалог с конкретной чужой смысловой позицией, выступающей как особый способ смысло- и текстопостроения» [3, с. 107]. Эксплицитное выражение данной идеи представлено и в дефиниции Е. А. Баженовой, утверждающей, что интертекстуальность – это «текстовая категория, отражающая соотношенность одного текста с другим, диалогическое взаимодействие текстов в процессе их функционирования, обеспечивающее приращение смысла произведения» [4, с. 104]. Таким образом, интертекстуальность неотделима от самой текстuality, поскольку текст не может быть автономным, не зависящим от различного рода заимствований и влияний. Текст рассматривается не как замкнутая сущность, а как система, неразрывно связанная отношениями с другими и – шире – со всем культурным пространством определенной языковой общности [5, с. 93].

Несмотря на отсутствие четко выработанного понятийного аппарата в рамках данной темы, наиболее употребительными терминами для обозначения конституэнтов межтекстового диалога среди лингвистов признаны «претекст», или «прото-текст», для одного из них и «метатекст», или «принимающий текст», для другого. Под интертекстом конкретного произведения следует понимать совокупность всех присутствующих в нем текстов [6, с. 7]. Вопрос взаимодействия претекста и принимающего текста уже не первое десятилетие является предметом филологических дискуссий и до сих пор не имеет однозначного ответа. Исследователи лингвистики и стилистики текста обращаются при этом к проблеме цитат, аллюзий, реминисценций, перифраз и ссылок – наиболее явных форм интертекстуальности. Однако большая часть ученых едино в том, что системный подход к изучению феномена межтекстовых отношений предполагает

в первую очередь, анализ его маркированности. Она может быть выражена на следующих языковых уровнях: фонологическом, лексико-семантическом, синтаксическом и стилистическом [6, с. 7]. Независимо от степени маркированности интертекстуальный элемент, как бы растворяясь в принимающем тексте, приобретает новое значение. Это положение отражает ставшая канонической для многих исследователей формула Р. Барта, в которой он утверждает, что «каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т. д. – все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык как необходимое предварительное условие для любого текста. Интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний; она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитат, даваемых без кавычек» [7, с. 418]. Релевантным в данной связи является также высказывание М. А. Можейко, справедливо отмечающей, что «смысл возникает только и именно как результат связывания между собою семантических векторов, выводящих в широкий культурный контекст, выступающий по отношению к любому тексту как внешняя семиотическая среда» [8, с. 245]. И от того, насколько «чужой» элемент узнаваем, маркирован в метатексте, зависит мера понимания, распознавания читающим этого нового значения и восприятия произведения в целом. Таким образом, текст рассчитан на реципиента с определенной интертекстуальной культурой, что доказывает важность наличия у него фоновых знаний, так как понятие интертекстуальности применяется для описания не обязательно эксплицитно выраженных межтекстовых отношений. Р. Барт подчеркивает возможность реализации собственного смысла текста только внутри читательского дискурса, поскольку, по его мнению, именно читатель есть «некто, сводящий все штрихи, что образуют... текст» [7, с. 390]. Будучи имманентным свойством текста, интертекстуальность может, однако, одновременно рассматриваться и как способ нарушения его структуры, если становится явно доминирующим признаком, поскольку лишает произведение целостности. Интегрированность любого элемента в целостную систему текста сказывается на его когерентности. В первую очередь это связано с нарушением линейности повествования. В однородную текстовую ткань вкрапляются цитаты, фрагменты других произведений, а также едва уловимые аллюзии, тонкие парафразы и ассоциативные референции, обуславливающие его гетерогенность.

Особым случаем нарушения целостности текста является включение в его структуру интертекстовой функциональной направленности. Иностилевые элементы контрастируют с авторским нарративом, что определяет полифонию произведения. Главной детерминантой этого приема можно считать, на наш взгляд, намерение писателя более точно воссоздать описываемые события, объективно охарактеризовать героев истории. Инкорпорирование иностилевых элементов, с одной стороны, придает определенное своеобразие произведению, с другой – нарушает его внутреннюю структуру путем изменения образности стиля.

Экстраполируя теоретическое обоснование данного лингвистического явления на практический анализ произведений, ученые приходят к выводу, что интертекстуальность является центральным атрибутом модернистского и постмодернистского дискурса. О введенных в субстанцию текста иностилевых элементах как о необходимом условии реализации идейно-художественного замысла произведения этой эпохи пишет Н. А. Фатеева [9, с. 31]. Аналогичное мнение высказывает И. В. Волков, уделяя особое внимание массовости и оригинальности проявлений интертекстуальности в модернистской и постмодернистской литературе и призывая исследователей к их тщательному изучению [10, с. 20–21]. Действительно, генезис концепции межтекстовых отношений приходится на XX в. – период возникновения своеобразного направления в культуре. Оно характеризуется стремлением утвердить нетрадиционные начала в искусстве, своеобразной фрагментарностью и отвлеченностью стиля, что и отражается в текстах произведений этого времени, типичной чертой которых часто является построение в технике так называемого монтажа или коллажа. В художественной литературе она рассматривается как «способ „конструирования“ нарративного текста, при котором повествовательная перспектива расслаивается и превращается в своеобразную полиперспективную структуру» [11, с. 148]. Интертекстуальность, будучи важным конструктивным принципом данной техники, позволяет ей за счет включения в произведение внесистемных, маргинальных элементов обеспечить характерную для модернистской и постмодернистской эстетики условность и схематизацию стиля, реализуя конкретные авторские интенции, что дает нам возможность выделить ее в качестве стилистического приема. Монтажное построение текстов, по нашему мнению, выбрано не случайно, так как оно созвучно взглядам писателей на жизнь этой эпохи и наиболее полно отражает дух времени. Их стремление к обновлению художественных форм обусловило лейтмотив всех исследований в области постмодер-

нистского дискурса, констатирующего неклассическую манеру повествования. В качестве примера нестандартного нарратива можно привести написанный в 1929 г. роман А. Дёблина "Berlin Alexanderplatz", ставший квинтэссенцией немецкой литературы, репрезентирующей предфашистскую Германию в свете модернистской традиции. Автор реализует свою задачу отображения ситуации в стране, используя выразительные возможности межтекстовых отношений. Ключевая позиция данной техники повествования в тексте позволяет говорить о ней как об основном стилистическом приеме. Анализ этого интертекстуально насыщенного романа фиксирует включения как цитатно-аллюзивного и реминисцентного уровня, так и текстовых фрагментов различной коммуникативной направленности, которые не только прерывают линейность нарратива, но и приводят к деструкции текста в целом, поскольку нарушают образность стиля. Уже с первых страниц романа автор передает атмосферу улиц Берлина, вводя реципиента в контекст повествования, что происходит за счет неожиданного появления номинативной цепи из названий газет, в завершение которой следует вопрос-клише кондуктора какого-то транспортного средства:

1) "Zwölf Uhr Mittagszeitung", "B.Z.", „Die neue Illustrierte", "Die Funkstunde neu", "Noch jemand zugestiegen?" [12, S. 15].

Автор описывает таким образом повседневную суету города, его динамизм, оживленность, в котором поглощаются индивидуальные различия.

Интертекстуальные вставки вкупе с эллиптическими предложениями и парентезами обеспечивают повествованию еще и некий динамизм и, как следствие, придают ему экспрессивный оттенок. Но не всегда иностилевые включения выделяются на письме кавычками, чаще они остаются немаркированными, что значительно усложняет процедуру их распознавания и идентификации в тексте. Одним из подтверждающих примеров служит сцена, в которой главный герой романа Франц Биберкопф впервые после продолжительного пребывания в тюрьме оказывается неподалеку от кинотеатра:

2) Da war noch ein Kino. *Jugendlichen unter 17 Jahren ist der Eintritt verboten.* Auf dem Riesenplakat stand knallrot ein Herr auf einer Treppe, und ein duftendes junges Mädchen umfasste seine Beine, sie lag auf der Treppe, und er schnitt oben ein kesses Gesicht [12, S. 31] (Курсив авторский).

Данный случай интеграции элемента официально-делового стиля, предписывающего возрастные ограничения при входе в кино, вычленяется из общего потока повествования за счет измененной временной перспективы. Как видно из примера,

субъект речи – автор – использует претерит для линейного описания картины, которое перебивается включенным в контекст предложением в настоящем времени иного стиля. Это позволяет писателю создать реалистичный образ топоса, а читателю – более глубоко проникнуть в гущу событий. В канву романа встроены разнородный материал не только официально-делового стиля, в нем есть фрагменты текста научно-медицинского содержания:

3) Die sexuelle Potenz kommt zustande durch das Zusammenwirken 1. des innersekretorischen Systems, 2. des Nervensystems und 3. des Geschlechtsapparates. Die an der Potenz beteiligten Drüsen sind: Hirnanhang, Schilddrüse, Nebenniere, Vorsteherdrüse, Samenblase und Nebenhoden. In diesem System überwiegt die Keimdrüse. Durch den von ihr bereiteten Stoff wird der gesamte Sexualapparat von der Hirnrinde bis zum Genitale geladen... [12, S. 34–35].

Интертекстуальная вставка весьма интимного характера из области анатомии вводится А. Дёблином, на наш взгляд, с целью акцентировать внимание реципиента на образе протагониста, человека, руководствующегося в своих действиях прежде всего физиологическими инстинктами.

Действительно, будучи мужчиной далеко не высокой морали, Франц Биберкопф потворствует своим влечениям, предаваясь любовным утехам с разными женщинами независимо от их возраста и семейного статуса. После описания одной из таких сцен с участием замужней дамы автор как бы невзначай, в качестве своеобразного лирического отступления, включает в субстанцию текста заметку из газеты о судебном разбирательстве по делу развода некоего капитана Бэкона из-за измены жены с его товарищем, в котором просматриваются элементы профессионально-юридического языка:

4) Was ist eine Frau unter Freunden wert? Das Londoner Ehescheidungsgericht sprach auf Auftrag des Kapitäns Bacon die Scheidung seiner Ehe wegen Ehebruchs seiner Frau mit seinem Kameraden, dem Kapitän Furber, aus und billigte ihm eine Entschädigung von 750 Pfund zu. Der Kapitän scheint seine treulose Gattin, die demnächst ihren Liebhaber heiraten wird, nicht allzu hoch bewertet zu haben [12, S. 38].

Этим иностилевым элементом, который писатель вводит с помощью риторического вопроса, он абстрагирует реципиента от сюжетной линии, переключая его внимание на проблему значимости женщины в обществе, и, избегая своих субъективных суждений, заставляет читателя определить собственную точку зрения относительно данной темы.

Инкорпорирование фрагментов разной коммуникативно-функциональной направленности ярко представлено во второй книге произведения, уже

начало которой фиксирует интертекстуализм библейского характера:

5) Es lebten einmal im Paradies zwei Menschen, Adam und Eva. Sie waren vom Herrn hergesetzt, der auch Tiere und Pflanzen und Himmel und Erde gemacht hatte. Und das Paradies war der herrliche Garten Eden. Blumen und Bäume wuchsen hier, Tiere spielten rum, keener quälte den andern. Die Sonne ging auf und unter, der Mond tat dasselbe, das war eine einzige Freude den ganzen Tag im Paradies [12, S. 49].

Включением в текст сюжета об Адаме и Еве в раю, о светлом начале рода человеческого А. Дёблин как бы проводит параллель со стремлением протагониста встать на «путь истинный», тематизируя его попытку вступить в новую жизнь. В данном случае очевидна некая доля иронии как одного из конституэнтов поля интертекстуальных импликаций. Однако одного желания для изменения своих принципов и целей недостаточно, что демонстрирует встреча Франца с суровыми жизненными реалиями, в которых оставаться приличным человеком он не в силах.

Радостное беззаботное настроение библейской истории сменяется мрачной и динамичной картиной Берлина, куда попадает главный герой по выходе из тюрьмы «Тегель». Описание плана для застройки земельного участка в виде тезисов типа “Handel und Gewerbe”, “Stadtreinigungs- und Fuhrwesen”, “Gesundheitswesen”, “Tiefbau”, “Kunst und Bildung”, “Verkehr” и т. д., сопровождаемых мини-иллюстрациями, вырезки из пожеланий и заявлений граждан в административных учреждениях, вставки из данных метеорологической службы, расписание электричек и информация о скидках на билеты на поезд, рекламные слоганы, краткие биографические справки незначимых для романа персонажей, пассажиров общественного транспорта, а также отрывки из разговоров случайных прохожих – это далеко не полный перечень иностилевых интертекстуальных включений, используемых автором в произведении для наиболее точного воссоздания жизни города и приводящих к деиерархизации элементов структуры текста. Такой хаотический конгломерат способен к распаду на отдельные самостоятельные части, что приближает его, на наш взгляд, к принципу нонсе-

лекции, эксплицитно сформулированному Д. Фокемой [13, р. 91–98]. Он представляет собой основной принцип конструирования постмодернистских текстов – один из способов создания повествовательной дискретности.

Роман «Berlin Alexanderplatz» – это самобытное произведение первой трети XX в. с установкой на отражение актуальных вопросов современности и яркий образец постмодернистской поэтики, демонстрирующий пример отображения социальных проблем в языке, что реализуется в первую очередь благодаря использованию автором конструктивного принципа межтекстового диалога. Интертекстуальность, являясь перманентным текстообразующим параметром, выступает в то же время как стилистический прием, создающий фрагментарный дискурс, нарративный хаос и жанровое смешение, нарушающий, таким образом, структурную целостность текста. Это приводит к некоему парадоксу, делающему текст пространством, открытым для многочисленных интерпретаций. Интериоризированные внешние иностилевые элементы как эквиваленты эмпирической действительности, преломленной через авторское видение, переносят читателя из фикционального мира в реальность, позволяя ему окунуться в атмосферу описываемого времени. Среди прочих интенций автора в интертекстуальном измерении фигурируют также возможность включения в произведение большего количества персонажей, стремление к объективности в изображении конкретного социального мира, концентрация и мобилизация внимания реципиента на важных деталях относительно описываемого, выражение иронии и построение текста в технике монтажа. На наш взгляд, концепция межтекстовых отношений является краеугольным камнем модернистского и постмодернистского дискурса, основанного на презумпции отказа от стандартных художественных форм и жестких правил и признания отклонения от традиционных норм новым способом изображения действительности. Справедливо постулированную первостепенность значения многомерного феномена интертекстуальности в реализации этой задачи доказывает его оправданная популярность среди писателей XX в.

Список литературы

1. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Вестн. Московского ун-та. Сер. Филология. 1995. № 1. С. 97–124.
2. Vater H. Einführung in die Textlinguistik: Struktur und Verstehen von Texten. München: Fink, 2001. 221 S.
3. Чернявская В. Е. Интертекст и интердискурс как реализация текстовой открытости // Вопр. когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 106–115.
4. Баженова Е. А. Интертекстуальность // Стилист. энциклоп. слов. рус. яз. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 104–108.
5. Цыренова А. Б. К вопросу о категории модальности и авторской интенции (на материале английского языка) // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2011. Вып. 3 (105). С. 93–97.

6. Пасько Ю. В. Языковая репрезентация интертекстуальности в художественном тексте (на материале романа Э. Елинек «Пианистка»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. 2011. 17 с.
7. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
8. Можейко М. А. Интертекстуальность // Постмодернизм: энциклопедия. Мн.: Интерпресс-сервис: Книжный дом, 2001. С. 333–335.
9. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов. Контрапункт интертекстуальности. 2-е изд., испр. М.: КомКнига, 2006. 280 с.
10. Волков И. В. Интертекстуальность и пародия в творчестве Джона Барта: дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2006. 224 с.
11. Шипова И. А. Лингвистические параметры техники монтажа в прозе Г. Бёлля // Лингвистические чтения. Цикл 7: материалы науч.-практ. конф. Пермь 2011. Пермь: НПВПО «Прикамский социальный институт», 2011. С. 148–151.
12. Döblin, Alfred. Berlin Alexanderplatz. München: Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co. KG, 2008. 464 S.
13. Fokkema D. W. The semantic and syntactic organisation of postmodernist texts // Approaching postmodernism / ed. by D. W. Fokkema, H. Bertens. Amsterdam; Philadelphia, 1986. P. 81–98.

Первова А. В., аспирант.

Московский педагогический государственный университет.

Пр. Вернадского, 88, Москва, Россия, 119571.

E-mail: pervova2012@mail.ru

Материал поступил в редакцию 30.05.2014.

A. V. Pervova

INTERTEXTUALITY AS A CATEGORY OF THE TEXT AND AS A METHOD OF THE VIOLATION OF ITS INTEGRITY (BY THE EXAMPLE OF THE GERMAN LANGUAGE)

The article deals with the conception of intertextuality as a category of the text and as a method of the violation of its structure. The paper analyzes the peculiarities and the causes of usage of this stylistic device in the artistic text by the example of the novel by A. Döblin “Berlin Alexanderplatz”. The key role of intertextuality in the montage technique is elicited and proved in works by authors of the postmodernism period. In the present article it is also taken an attempt to give a clear definition of this linguistic phenomenon and related terms, to mark forms of expression and degrees of markedness of intertextuality on different levels. It is proved that its identification and understanding in the text depends on the background knowledge of the reader.

Key words: *intertextuality, artistic text, violation of the structure, stylistic device, montage.*

References

1. Kristeva Yu. Bakhtin, Word, Dialogue and Novel. *Moscow University Bulletin*, 1995, no. 1., pp. 97–124 (in Russian).
2. Vater H. *Einführung in die Textlinguistik: Struktur und Verstehen von Texten*. München: Fink, 2001. 221 S.
3. Chernyavskaya V. E. Intertext and Interdiscourse as a Realisation of Text Openness. *Issues of Cognitive Linguistics*, 2004, no. 1, pp. 106–115 (in Russian).
4. Bazhenova E. A. Intertextuality. *Stylistic Encyclopedic Dictionary of Russian*. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2003. Pp. 104–108 (in Russian).
5. Tsyrenova A. B. On the Category of Modality and the Author's Intention (Data of English). *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2011, no. 3, pp. 93–97 (in Russian).
6. Pasko Yu.V. *The Linguistic Representation of Intertextuality in the artistic text (as exemplified by the novel by E. Yelinek “The Piano Teacher”)*. Abstract of thesis candidate of philol. sci. Moscow, 2011. 17 p. (in Russian).
7. Bart R. *Selected works: Semiotics: Poetics*. Moscow, Progress Publ., 1989. 616 p. (in Russian).
8. Mozheyko M. A. Intertextuality. *Postmodernism: encyclopedia*. Minsk, Interpress-Servis Publ., 2001. Pp. 333–335 (in Russian).
9. Fateeva N. A. *Intertext in the World of Texts. Counterpoint of Intertextuality*. Moscow, KomKniga Publ., 2006. 280 p. (in Russian).
10. Volkov I. V. *Intertextuality and Parody in Works by John Bart*. Dis. cand. philol. sci. Rostov on Don, 2006. 224 p. (in Russian).
11. Shipova I. A. Linguistic Parametrs of Montage Technique in the Prose of H. Böll. *Linguistic readings. Cycle 7. Materials of Research and Practical Conference. Perm'*, 2011. Pp. 148–151 (in Russian).
12. Döblin, Alfred. *Berlin Alexanderplatz*. München: Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co. KG, 2008. 464 S.
13. Fokkema D. W. The semantic and syntactic organisation of postmodernist texts. *Approaching postmodernism*. Ed. by D. W. Fokkema, H. Bertens. Amsterdam; Philadelphia, 1986. P. 81–98.

Moscow Pedagogical State University.

Ul. Prospekt Vernadskogo, 88, Moscow, Russia, 119571.

E-mail: pervova2012@mail.ru